

Глава 3. Почернение героя и злодея (часть 3)

Чэн Пан неспроста запретил Чжоу Вэю ехать на весеннюю прогулку. Дело в том, что по сюжету именно на следующей неделе должен был произойти переломный момент в отношениях Сюй Линь и Чжоу Вэя.

По плану класса намечался поход с ночёвкой в горах. Цю Юй в оригинале отказался участвовать, а Сюй Линь и Чжоу Вэй поехали. Там, пока все ставили палатки, Сюй Линь — как староста — попросила Чжоу Вэя помочь, а не сидеть без дела. Тот, разумеется, её проигнорировал. Днём внезапно разразилась гроза. Сюй Линь отправилась к местным жителям на склоне горы, чтобы одолжить дождевики, и долго не возвращалась.

Чжоу Вэй отправился её искать и встретил девушку на обратном пути. Из-за дождя земля размокла, Сюй Линь поскользнулась, Чжоу Вэй попытался её подхватить, но она случайно увлекла его за собой. Оба рухнули в глубокую лужу, промокнув до нитки. Когда они вернулись в лагерь, дрожа от холода, их палатки оказались рядом. Свет лампы изнутри палатки Сюй Линь отчётливо обрисовал её силуэт, пока она переодевалась. С этого момента Чжоу Вэй не мог выбросить этот образ из головы — так началось его подростковое пробуждение.

Это был важнейший узел в их отношениях.

Честно говоря, приём избитый донельзя, но при чтении он всегда вызывал у аудитории нужные эмоции. Даже Чэн Пан, прописывая эти сцены, чувствовал, как замирает сердце от описания полускрытых теней и изгибов тела. Персонаж Сюй Линь был очень притягательным, так что сцена вышла по-настоящему дразнящей.

Когда он писал эту главу, у Чжоу Вэя была целая армия фанатов. Кто же знал, что позже он превратится в такого подонка?

Как он и ожидал, по возвращении в класс на доске уже висело объявление о предстоящей поездке. Ответственный за быт начал опрашивать учеников, и Цю Юй, к удивлению многих, покачал головой — участвовать он не собирался.

Чэн Пан тут же подскочил к старосте:

— Он едет.

Ответственный застыл в недоумении:

— Э-э?

Цю Юй тоже поднял на него взгляд:

— Что?

— Я его уговорю, просто запиши имя, — уверенно заявил Чэн Пан.

Когда они остались одни, Чэн Пан уставился на Цю Юя сияющими глазами. Он разглядывал его то слева, то справа, словно изучал диковинный экспонат. Цю Юй впервые заметил, насколько живым может быть взгляд этого толстяка — казалось, он словно хранил в себе целую вселенную тайн.

— В чём дело? — наконец спросил Цю Юй.

— Как ты можешь игнорировать такое важное коллективное мероприятие? Где твой командный дух? — патетично воскликнул Чэн Пан.

— Не знал, что ты такой ревнитель общественных интересов.

— Я всегда им был! Разве не очевидно, что я человек широкой души, для которого честь класса превыше всего?

Цю Юй промолчал. А затем коротко бросил:

— Мне это не интересно.

Чэн Пан по-братски положил руку ему на плечо:

— Цю Юй, мы же друзья? Раз мы братья, ты просто обязан пойти со мной... в смысле, поехать в поход.

Цю Юй почувствовал неладное.

— Тебе так важно, чтобы я поехал?

— Конечно! — Чэн Пан ответил так, будто это была истина в последней инстанции.

— Почему?

— Потому что... мы друзья. И я уверен, что эта поездка пойдёт тебе на пользу.

Глядя в его восторженное лицо, Цю Юй помедлил минуту, а затем кивнул:

— Хорошо.

«Но почему он так добр ко мне?» — невольно задумался юноша.

Чэн Пан тут же расплылся в улыбке:

— Правда?

— Правда.

Толстяк вскочил с места:

— Договорились! И не вздумай идти на попятную!

Цю Юй невольно усмехнулся.

«А он... довольно милый».

Уладив дела с Цю Юем, Чэн Пан после уроков отправился домой перетряхивать старые вещи. Опыт переодевания в женское платье у него уже был. Ха, не ожидали? На втором курсе университета его сосед по комнате, Цзи Ю, подбил всех на спор — мол, примерим женские шмотки ради смеха. В итоге только честный и простодушный Чэн Пан довёл дело до конца. До сих пор те фотографии хранились в телефоне Цзи Ю, оставаясь одной из тех страниц биографии, которые Чэн Пан мечтал стереть из реальности.

На следующий день он притащил одежду в школу в рюкзаке и переоделся прямо перед уроками. Когда он вышел из мужского туалета, все, кто в этот момент справлял нужду, едва не лишились дара речи. Парни застыли в самых нелепых позах, вытаращив на него глаза. Чэн Пан, ничуть не смутившись, внимательно осмотрел себя в зеркале, сжал кулаки и прошептал: «В бой!»

И вышел наружу — гордый и непоколебимый.

Когда Чэн Пан переступил порог класса в белоснежной рубашке, символизирующей чистоту, и плиссированной юбке, воплощающей невинный соблазн, у всех присутствующих, включая учительницу английского, едва не посыпались из глаз искры.

Чжоу Вэй, закинув ноги на стол, лениво резался в игру в телефоне. Подняв голову, он на мгновение оцепенел. Он-то думал, что Чэн Пан схитрит — нацепит какой-нибудь нейтральный плащ или брюки, попытавшись проскочить «на тоненького». Но нет, этот парень будто специально решил устроить шоу.

Одежда была не новой, но тщательно выстиранной. Белая рубашка едва сходилась на его мощной груди, а юбка кокетливо прикрывала колени, из-под которых виднелись икры, напоминающие два крепких, очищенных белых корня... выглядело это... внушительно.

Чэн Пан подошёл к Чжоу Вэю и произнёс ту самую классическую фразу из романов:

— Ну как? Доволен увиденным?

В головах одноклассников в этот момент билась только одна мысль: «Боже, какой пафос! Какое бесстыдство!» Весь класс замер в немом восторге и ужасе одновременно.

Чжоу Вэй непроизвольно сглотнул. Чэн Пан, заметив его замешательство, выждал паузу и добавил:

— Не забудь, что ты мне обещал.

Толстяк довольно хмыкнул. Чжоу Вэй дорожил своей репутацией, и Чэн Пан не верил, что тот нарушит слово. Молчание — знак согласия. Облегчённо выдохнув, он проследовал к своему месту.

Класс всё ещё пребывал в состоянии анабиоза. Чэн Пан обернулся и одарил всех своей фирменной, кроткой и доброжелательной улыбкой:

— Учитель, продолжайте, пожалуйста.

Снова зазвучали строки английского текста. Все читали вслух, но мысли каждого были заняты только одним.

«Лю Бай из первого-второго... неужели он окончательно свернул на дорожку извращений?»

После утреннего чтения было двадцать минут на завтрак. Цю Юй подошёл к столу Чэн Пана и протянул ему свёрток — свой спортивный костюм для физкультуры.

— Хоть на улице и прохладно, это лучше, чем так. Надень.

Чэн Пан рассмеялся:

— Спасибо, не стоит.

Лицо Цю Юя потемнело:

— Это Чжоу Вэй тебя заставил? Из-за того случая с местами?

— Вовсе нет. Не думай о нём так плохо.

Чэн Пан всё ещё надеялся, что сможет примирить героя и злодея.

Цю Юй едва сдерживался. Разве не очевидно, что Чжоу Вэй — заносчивый хулиган, который ни во что не ставит окружающих? Было ясно как день: он ненавидит Лю Бая и намеренно его унижает.

— Ты просто боишься сказать правду. Он тебе угрожает? — настаивал Цю Юй.

Чэн Пан увидел в глазах друга бушующее пламя праведного гнева и всерьёз испугался, что Цю Юй сейчас всё испортит. Он поднялся:

— Цю Юй, пойдём со мной.

Ему было плевать, что в этом наряде он стал живой мишенью для всей школы. Впрочем, черты лица Лю Бая были довольно мягкими, и некоторые ученики из соседних классов, не знавшие его в лицо, приняли его за очень крупную девочку с короткой стрижкой.

В утренней тени за учебным корпусом, где кирпичная кладка делила мир на свет и мрак, Чэн Пан завёл Цю Юя в угол и внезапно припечатал его к стене. Классический «стене-жим».

Цю Юй на секунду оторопел. Несмотря на то что Чэн Пан был ниже и ему приходилось заирать голову, его внушительные габариты создавали ощутимое давление. Цю Юй впервые так близко рассматривал своего странного друга. Совсем рядом, за углом, шумела жизнь, бегали студенты, сияло солнце, а здесь, в тени, стояла тишина.

— Цю Юй, у меня есть мечта, — серьёзно начал Чэн Пан.

Юноша молча слушал.

— Я хочу стать великим писателем. Дядя Чжоу Вэй, Ветер тигриного величия — сейчас самый популярный автор на литературном портале. Я очень хочу у него учиться.

— Так вот зачем ты сблизился с Чжоу Вэем?

— Именно.

— Но это женское платье...

— Ха-ха, это просто шутка! — отмахнулся Чэн Пан.

— Я не считаю это шуткой. Ты понимаешь, какие слухи поползут за твоей спиной?

— Если я сам буду относиться к этому спокойно, разве это имеет значение? Неужели ты перестанешь считать меня хорошим человеком или своим другом только из-за платья? Какая разница, что подумают остальные?

Цю Юй нахмурился:

— Не понимаю, зачем тебе такие сложности?

— У меня свои соображения. Знаешь, настоящий друг не должен лезть на рожон вместо другого только ради собственного эго. Друг — это тот, кто поддерживает и понимает, пока его не попросят о помощи. Поверь, я не из тех, кто привык терпеть. Если придёт время — я не промолчу.

Этот монолог Чэн Пан заготовил для своей будущей книги и, произнеся его вслух, остался весьма доволен результатом.

За спиной Лю Бая тянулась железная ограда, густо оплетённая зелёным вьюном, на верхушке которой распустились два крохотных розовых цветка. Тень скрывала его лицо, и Цю Юй видел только его глубокий, чёрный взгляд, напоминавший неподвижную гладь озера перед штормом.

— Вот оно как? — выдохнул Цю Юй.

Чэн Пан кивнул.

— И тебе правда всё равно?

— Ерунда, — улыбнулся толстяк.

Цю Юй долго смотрел на него, не отрываясь.

— Что такое? — спросил Чэн Пан.

Юноша опустил взгляд и потер нос:

— Ничего. Просто ты... оказался совсем не таким, как я ожидал.

Чэн Пан со смехом похлопал его по плечу:

— Ещё бы! Я умею удивлять.

«Оптимистичный, сильный и добрый», — Цю Юй невольно улыбнулся в ответ.

А за углом, прижавшись к кирпичной стене, стоял Чжоу Вэй. Он подбросил в руках баскетбольный мяч и усмехнулся:

— Хм. Так вот в чём дело...

<http://bllate.org/book/17527/1692411>